
ДЕРЕВЕНСКІЯ СЦЕНЫ

ТРИ РАЗСКАЗА.

I.—Вобыль.

На самой большой дорогѣ между станціей „Горлюпановка“ и большимъ торговымъ селомъ „Ситовкой“ лежитъ маленькая деревушка „Зайчики“. Настоящее имя ея, которое имѣется въ сельскихъ приговорахъ и официальныхъ бумагахъ, — „Отрада“, — имя, давнее ей стариннымъ помѣщикомъ въ прекрасный юньскій вечеръ, когда онъ, вернувшись съ охоты, былъ въ особенно хорошемъ расположеніи духа. Но и помѣщика этого давно на свѣтѣ нѣтъ, и имѣніе его давно разорено и перешло въ чужія руки. Говорятъ, что теперешній владѣлецъ его, купецъ Отрыжвинъ, хочетъ тоже съ нимъ развязаться, выгодно продавъ его по частямъ крестьянамъ черезъ посредство банка.

Скажите любому крестьянину въ околоткѣ: „Отрада“ — онъ васъ не пойметъ, а „Зайчики“ всѣмъ извѣстны. Знаютъ, напримеръ, что въ Зайчикахъ когда-то былъ убитъ помѣщикъ, заблудившійся во въюгу и искавшій тамъ убѣжища. Всѣ знали, что онъ тамъ былъ убитъ, но кто именно былъ убійцей, — несмотря на всѣ старанія тогдашней полиціи, такъ и осталось тайной.

Знаютъ окрестные жители въ Зайчикахъ старика Егора Дороеева и жену его Матрену Сидорову, которые охотно выручаютъ людей въ нуждѣ, причемъ, кромѣ угощенія при совершеніи сдѣлки, берутъ всего пять процентовъ въ мѣсяцъ, что многіе считаютъ весьма выгоднымъ.

Знаютъ, наконецъ, зайчинскаго бобыля, который уже лѣтъ десять ходилъ и побирается по округѣ, не воруетъ, не бунитъ,

не пьянствуетъ и дѣлаетъ много добра. Въ особенности жалѣеть онъ сиротъ. Въ разныхъ селахъ у него ихъ нѣсколько. Говорятъ, что когда онъ наберетъ деньжонокъ, онъ имъ помогаетъ кое-чѣмъ: одеждой, а то тайкомъ ихъ накормитъ кускомъ мяса. Какъ его звать—знаетъ священникъ, да, можетъ быть, волостные; самъ, когда его спрашиваютъ, отвѣчаетъ, что его зовутъ Ивановъ. А спросятъ фамилію—онъ сморщитъ лобъ, прищуритъ глаза, махнетъ рукой, а то и плюнетъ, и скажетъ: „Забылъ, пропасть ее побери, фамилію-то“!.. Такъ и зовутъ его всѣ, да и самъ онъ себя зоветъ: „зайчипскій бобыль“. Далекъ не ходилъ бобыль за милостыней. Ему и въ его округѣ помогали охотно. Когда онъ проходилъ по какому-нибудь селу съ мѣшкомъ за плечами,—почти всякій, не дожидаясь его просьбы, ему подавалъ. Старались, кто могъ, подать деньгами. Вѣдь знали, что онъ денегъ этихъ не проиграетъ въ карты съ другими нищими, не пропьетъ, а употребитъ въ дѣло. Бабы давали ему что поцѣвнѣе: кусокъ холста, яйца. Давали, впрочемъ, и куски, которые онъ продавалъ на деньги извѣстнымъ ему бѣднягамъ. И не потому только подавали ему, чтобы отвязаться отъ назойливаго побирешки, а охотно иногда догоняли его шаговъ за сто, если не успѣли подать, пока онъ былъ у дома.

Соберетъ, бывало, бобыль деньжонокъ и идетъ въ деревню къ извѣстному ему сиротѣ.

„Надо,—думалъ онъ,—къ Митькѣ сходить. А то давно не былъ въ той сторонѣ. Холодно дѣлается. Ему, небось, надѣтъ нечего“. И шелъ онъ къ Митькѣ, и покупалъ ему, конечно по случаю, то шапку, то сапоги теплые.

Но изъ всѣхъ его сиротъ былъ у него одинъ — любимый. Звали его Костюшкой. Онъ былъ круглый сирота, и выбранный ему въ опекуны дядя положилъ въ банкъ, по требованію начальства, двадцать-три рубля. За двѣнадцать онъ, послѣ большихъ хлопотъ, продалъ разваленную избушку Костюшки, да на одиннадцать—прочей разной рухляди. Такъ какъ эти двадцать-три рубля ему было велѣно положить въ банкъ, то Костюшка остался раздѣтый къ зимѣ. У опекуна своихъ было много дѣтей, и онъ не зналъ, что сдѣлать съ племянникомъ. Къ счастью, добрые люди его пристроили въ ученіе къ сапожнику, жившему въ Ситовкѣ.

Сапожникъ былъ пьяница—есть ли сапожники не пьяницы?—и съ Костюшкой обращался плохо, тѣмъ болѣе, что заступиться за него было некому.

Разъ бобылю пришлось проходить мимо квартиры сапожника,

какъ разъ въ то время, какъ онъ „училъ“ своего воспитанника. Крикъ мальчика привлекъ сосѣдей. Подошелъ и бобыль.

Жаль ему стало мальчика. Ему сказали, что Костюшка круглой сирота, и съ этой минуты онъ взялъ его подъ свое покровительство. Когда сапожникъ пересталъ бить своего ученика и пошелъ въ бывший черезъ улицу кабакъ успокоиться, онъ подошелъ мальчика и поговорилъ съ нимъ. Узнавъ, что тотъ голоденъ, онъ купилъ ему колбасы и далъ барановъ и нѣсколько яицъ. Замѣтивъ, что онъ въ рваныхъ сапогахъ, причемъ отъ одного отвалилась подошва, онъ ему купилъ у дьячкова сына полусапожки, еще достаточно годные.

— Эй ты, Костюшка! Аль разбогатѣлъ?—крикнулъ ему сапожникъ, вернувшись изъ кабака и увидавъ его сидящимъ съ бобылемъ на лавкѣ и грызущимъ баранку.—Ты что-ль, бобыль, его убоготворилъ, сопляка?

— Вѣдь онъ сирота. Надо сироту пожалѣть.

— Ты и жалѣй, а насъ самихъ не жалѣли. Мнѣ его жалѣть не изъ чего, какъ его мнѣ раздѣтаго подкинули.

— Вотъ что! Ты знаешь, я самъ сирота кругомъ, мнѣ Богъ велѣлъ сиротъ жалѣть. Куда ни шло, я ужъ ему буду рубашки давать и сапоги. Лишь ты его не бей. Онъ тебѣ лучше стараться будетъ.

— Ну, и деть! Эй ты, Костюшка, кланяйся бобылю въ ноги! Костюшка собирался исполнить приказаніе хозяина.

— Ну, что ты?.. что ты?... Богъ съ тобой! Кому это пристало нищему въ ноги кланяться?—И бобыль удержалъ мальчика.

— Ступай, Костюшка, домой!

Говоря это, сапожникъ далъ ему подзатыльникъ.

— А уговоръ нашъ помнишь?—замѣтилъ бобыль.

— Ладно, ладно, не буду. Ну, пойдемъ могоарычъ пить.

— Я не пью водки,—отвѣтилъ бобыль:—ты выпей за Костюшкино здоровье. Такъ и быть, угощу.

Бобыль сбѣгалъ въ кабакъ.

— На,—сказалъ онъ,—вотъ и могоарычи мои.

— Ай да бобыль, молодчина, ей Богу! Заходи чаще! Ну и счастливъ же Костюшка!

Съ тѣхъ поръ бобыль часто навѣдывался къ Костюшкѣ, подолгу сидѣлъ съ нимъ и разговаривалъ, носилъ одежду, гостинцы. Каждый разъ у него была полъ-бутылка для сапожника. А когда узнавалъ, что онъ ударилъ Костюшку, онъ ему выговаривалъ:

— Ну, ну, живеть! не буду. Ужъ дюже у меня сердце горячее.

Съ бобылемъ былъ еще вотъ какой случай. Жила мать-вдова съ нѣсколькими маленькими дѣтьми. Дѣвочка у нея заболѣй; лечила, лечила она ее по знахаркамъ, а дѣвочкѣ все хуже дѣлалось. Отправилась мать съ ней къ доктору. Тутъ въ приемной, дожидаясь своей очереди, встрѣтилась она съ бобылемъ, тоже пришедшимъ къ доктору рвать больной зубъ. Разговорились.

— Ну, что докторъ сказалъ? — спросилъ ее бобыль, когда она вышла отъ него.

Баба махнула рукой.

— Что тамъ говорить! Видно, помирать ей. Докторъ сказалъ, что ее въ городъ везти надо, въ больницу положить. Тамъ ее рѣзать станутъ. А не повезешь, говорить, — помреть.

— Ну, что жъ? ты ее повезешь?

— И-и... гдѣ тутъ! сюда-то добрые люди довели. А на кого я тѣхъ брошу? Вѣдь у меня ихъ четверо! Тоже вѣдь, спасибо, подають на ребятъ на малыхъ. А то бы давно съ голоду у меня померли. Куда тамъ въ городъ!

Выслушалъ это бобыль, а на другой день явился къ бабѣ — она была ситовская.

— Вотъ что, голубушка, я придумалъ. Дай ты мнѣ дѣвочку. Я ее въ городъ отвезу, въ больницу. Мужики тутъ ѣдутъ на станцію, такъ я ихъ просилъ: они насъ доведутъ, а по чугункѣ ужъ какъ-нибудь я ее провезу. Дай мнѣ ее!

Вдова, конечно, согласилась; дѣвочкѣ сдѣлали операцію, и бобыль же вернулъ ее къ матери здоровою.

Такого рода дѣла молва быстро разносила, и слава бобыля росла. Естественно, что на него крестьяне смотрѣли иначе, чѣмъ на обыкновенныхъ нищихъ. Не везло ему только у помѣщиковъ; своихъ же односельцевъ зайчнскихъ онъ совсѣмъ избѣгалъ.

Помѣщики вообще не любятъ здоровыхъ нищихъ. Не любили и бобыля, который былъ нестаръ и не имѣлъ никакихъ физическихъ недостатковъ.

— Ты бы работалъ, чѣмъ шлаться-то, — говорили ему.

Бобыль, бывало, молчалъ и ждалъ, чтобы подали ему милостыню.

— Слышишь ты? Я тебя спрашиваю, отчего ты не работаешь? что ты оглохъ, что-ль? — возвышеннымъ голосомъ повторялся вопросъ.

Что было, правда, бобылю отвѣчать? Не вводить же въ свой внутренній міръ людей, столь далекихъ отъ него по понятіямъ

и по чувствамъ! Къ тому же, это была скорѣе форма выговора, чѣмъ разговоръ.

— Никакъ нѣтъ, слышу,—отвѣчалъ онъ.

— Ну, такъ отвѣчай на вопросъ: отчего ты не работаешь?

— Видно, такъ Богу угодно!—не находилъ другого отвѣта бобыль.

— Чтò ты надо мною смѣешься, чтò-ль?.. Богу угодно, чтобы онъ шлялся!.. Убирайся вонъ отсюда, тунеядецъ!..

И бобыль уходилъ. Даже генеральша Облова, на чтò была добрая и считала себя, что касалось крестьянъ, глубокимъ сердце-вѣдомъ—и у той не обходилось безъ выговора:

— А ты все побираешься, бобыль?!..

Бобыль по обыкновенію молчалъ. Генеральша знала, что онъ помогаетъ сиротамъ.

— Чтò ты, братъ, считаешь себя восстановителемъ несправедливостей судьбы? Исполнилъ бы свой долгъ—работалъ бы, а сироты и безъ тебя не пропадутъ. Богъ ихъ не оставитъ. Я... другіе... не бросятъ сиротъ. Нѣшто я имъ не помогаю? А?.. скажи... я имъ не помогаю?

— Извѣстно дѣло... вы милостивы...

— То-то вотъ и есть; а ты вотъ все работать не хочешь!

И генеральша приказывала, если бобыль голоденъ—накормить его, но отнюдь не давать денегъ.

— Вотъ кабы онъ работать не могъ—тогда другое дѣло...

Мало-по-малу къ помѣщикамъ бобыль пересталъ обращаться за милостынею, да и усадьбы-то ихъ старался обойти, когда можно было, кружнымъ путемъ.

Обходилъ онъ и Зайчики свои. Корень непріязненныхъ его чувствъ къ односельцамъ былъ далеко.

Когда умерли отъ горячки одновременно его родители, онъ былъ совсѣмъ маленькій. Онъ ихъ не помнилъ. Остался онъ совсѣмъ одинокій. Находился на деревнѣ какой-то троюродный по матери дядя, но онъ наотрѣзъ отказался взять сироту. Онъ самъ былъ бѣденъ.

Собрались сходъ и долго обсуждалъ вопросъ, какъ быть съ ребенкомъ. Съ землей его бы еще взяли, но и земли-то оказывалось у него нѣтъ—отецъ его былъ николаевскій солдатъ. Хотѣли-было свалить его на волость; но волостной сходъ отказался его кормить—вѣдь онъ былъ приписанъ къ Зайчикамъ. Собрались опять зайчицы... Долго обсуждали они этотъ мудреный вопросъ, какъ быть съ мальчишкой, и рѣшили кормить его по-денно, по числу душъ. Говорили о томъ, долженъ ли домохо-

зянъ, у котораго есть съемныя души, и за эти души отбывать повинность—кормленіе сироты, или только за свои? Большинствомъ рѣшили, что онъ долженъ кормить его и за съемныя души. Подалъ кто-то вопросъ о его одеждѣ, но этотъ вопросъ остался открытымъ.

— Тамъ видно будетъ,—рѣшилъ сходъ:—работать онъ не можетъ; будетъ день и ночь въ избѣ сидѣть. Теплой ему, значить, одежды и сапогъ не нужно. А рубаха да штаны—не велика штука.

На томъ и порѣшили. Сталъ Ванька кормиться поденно. Сначала его принимали безъ особаго неудовольствія. Вѣдь не Богъ вѣсть, что онъ съѣсть въ два-три дня. Богачи, тѣ сразу недружелюбно отнеслись къ нему. Егоръ Дороеевъ прямо было объявилъ, что за снятыя души кормить его не будетъ, и вытолкалъ изъ избы. Сосѣдъ его тоже не принялъ не въ срокъ и отправился съ жалобой къ старостѣ.

— Хорошо, я приду. Только впередъ я въ волостную схожу. Старшина зачѣмъ-то звалъ...

Къ вечеру староста пришелъ. Онъ былъ человѣкъ справедливый и отъ Егора Дороеева не зависѣлъ.

— Ты что же это? Противъ общества идти хочешь?

— Да я его за свою душу кормилъ вчера. А мало ли я ихъ сколько снималъ у добрыхъ людей. И будетъ онъ у меня на шеѣ.

— Слушай, Егоръ Дороеевичъ, я тебѣ добромъ говорю,—а не хочешь добромъ, такъ вѣдь и въ холодную отвезу.

Староста былъ вновѣ, притомъ молодой, изъ военныхъ, и такъ какъ разговоръ происходилъ при многочисленной публикѣ, то ему пріятна была одна мысль, что онъ вправѣ отправить въ холодную такого богача, какъ Егоръ Дороеевъ. Этотъ доводъ подѣйствовалъ на старика, но Матрена Сидорова не такъ скоро сдалась:

— Какъ? за наше-то добро—да въ холодную? Ну, вези въ холодную... нѣ! бери... я въ жизнь его не пущу. Ишь, тоже нашлось начальство, въ холодную насъ сажать!..

— А!.. ты такъ? Ну-ка, берите ее, да въ волостную отвезите... Чей чередъ ставить подводу?.. Ну-ка, Архипъ, валяй!..

Староста вынулъ при этихъ словахъ медаль и прицѣпилъ ее себѣ на грудь. Кое-какъ и Матрена сдалась.

Естественно, что при такихъ условіяхъ несладокъ былъ обѣдъ Ванюшкѣ, хотъ и не ѣлъ онъ до вечера.

— Нѣ... жри, щенокъ!—сказала старуха, когда они остались

въ избѣ одни, бросая передъ нимъ краюху хлѣба.—А за водой самъ сбѣгать можешь.

Семь лѣтъ кормился такъ бобыль, ходя со двора на дворъ, пока общество не нашло, что онъ достаточно выросъ, чтобы идти въ пастухи. Много лѣтъ спустя, когда онъ побирался, онъ любилъ рассказывать про свое сиротство. Соберутся, бывало, зимой мужики вечеромъ въ праздникъ, и бобыля позовутъ ночевать.

— Что это ты все съ сиротами возишься? — спросятъ его.

— Самъ, люди добрые, росъ сиротой. Знаю долю сиротскую, и жалко сиротъ. Бывало, какъ кормился я по дворамъ,—и-и, старички, горя я хватилъ: чего, чего не было! Одежонки-то не было теплой... Сядишь, бывало, у кого-нибудь въ избѣ... хуже щенка на меня смотрѣли. А хуже не было, какъ у одного старика... Скупичій былъ, не тѣмъ будь помянуть. Какъ въ избу, бывало, входитъ, я притулюсь въ уголку, высматриваю, какъ бы не взглянулъ на меня!.. А увидитъ—бѣда! И дармождъ-то я, и бездѣльникъ!.. Сядутъ это они такъ обѣдать всѣ. А мнѣ ѣсть страсть хочется... стою и гляжу на нихъ,—можетъ, дадутъ что... Ты что, негодяй, лѣзешь?—закричитъ онъ, бывало, на меня.—Небось, успѣешь наѣсться!.. А заплачу... хуже осерчаетъ. Наѣдятся они всѣ, Богу помолятся, а меня какъ бы и въ избѣ нѣтъ. Ждешь, пока изъ дѣтей его кто хлѣба дастъ... Вотъ и обѣдь весь... А то разъ выхожу я на дворъ, а у нихъ въ избѣ два ягнока были. Одному ягноку я и прищеми ногу дверью... Какъ старикъ меня хватить по головѣ—я такъ и прилегу. Онъ меня и давай лыками—онъ въ ту пору лапти плелъ—и давай меня пороть. Такъ порогу, что вѣкъ не забыть!

А то лѣтомъ разъ, только я пришелъ къ одному мужику, разболѣлась у меня голова. Дальше—больше; я и ногъ таскать уже не могъ. Положили меня подъ навѣсомъ: лежи, молъ. Ёсть-то мнѣ не хотѣлось, а пить хочется. Подать некому. Лежу себѣ, мучаюсь. Кое-какъ дотащился я до избы, кружку взять хотѣлъ. Кружку у меня вырвали изъ рукъ. „Ну, холерный, и насъ заразить хочешь! Давно бы околовалъ, и намъ руки бы развязалъ“. Больно мнѣ стало обидно; я заплакалъ, вернулся подъ навѣсъ свой, а голова все больше и больше болитъ, все тѣло ломить, во рту пересохло... Потащился на огородъ къ рѣчкѣ, спустился подъ кручу, нанялся и пошелъ назадъ. Два шага пройдеши, ляжешь, отдохнешь и дальше идешь. Иду это я по огороду мимо огурцовъ. Страсть, огурцовъ захотѣлось! Одинъ съѣлъ, а два другихъ за пазуху положилъ и вернулся подъ навѣсъ. Какъ я

ѣлъ огурецъ, то дѣвчонка и увидала ихня, и скажи своимъ. Ну, ужъ и досталось мнѣ! Пороть-то выпороли, да по всей деревнѣ рассказали, что я воръ. Тутъ мнѣ вовсе скверно сдѣлалось.

Правду сказать, были и хорошіе люди. Одного дома вѣкъ не забуду. Хозяинъ былъ добрый, а хозяйка, дай Богъ ей царство небесное, и говорить нечего. Они меня почестъ одни все время и одѣвали: и рубашонку сдѣлають, а то и лаптишки, и картузь, и шубѣнку, — конечно все старье, — дадутъ. Чисто родные были для меня. Аксиныя, — такъ звали хозяйку, — мнѣ и молочка дасть, и ячю испечеть. Своему не дасть, а меня успокоить! Когда мнѣ у кого не въ-терпѣжъ дѣлалось, я иногда къ ней убѣгалъ, и она меня, бывало, обласкаетъ, гостинцевъ дасть... Ее же ругали другіе за это: „избалуетъ, мошь, паршивца“. Нѣтъ, вѣкъ проживу — вѣкъ ее не забуду...

И бобыль перекрестился и сказалъ:

— Дай Богъ ей царство небесное и мужу ея!

— Что это, — скажетъ ему иногда кто-нибудь изъ собесѣдниковъ: — съ насъ подати-то берутъ, да все набавляютъ! Что бы выстроить что-нибудь для сиротъ при волости, что-ль, или гдѣ еще?

— Такая, значить, доля сиротская. Потому они сиротами и прозываются, что несчастные, — разъяснялъ бобыль по-своему это недоумѣніе: — потому-то и Богъ велѣлъ имъ помогать.

— Ну, а какъ ты подросъ, куда тебя дѣвали?

— Знамо дѣло, въ пастухи отдали. Но и въ пастухахъ не сладко мнѣ было. Пастухъ былъ свой деревенскій, зналъ, что я сирота и что заступиться за меня некому. Лежить себѣ, бывало, день-деньской, а за скотиной смотри я одинъ. Стадо-то было, правда, небольшое, да удобья-то для него не было. Гляди во всѣ стороны: либо въ трясину ягненокъ попадетъ, либо корова къ помѣщику въ хлѣбъ зайдетъ. Все на мнѣ обрывалось. И отъ пастуха-то мнѣ доставалось, да и отъ мужиковъ своихъ. Пастуховъ-то кормятъ хорошо; важный норовитъ лучшей кусокъ дать, чтобы его скотину онъ лучше призрѣвалъ, а мнѣ многіе, по-прежнему, хлѣба дадутъ — и обѣдъ весь.

Не въ терпѣжъ мнѣ стало. Пятнадцати лѣтъ ушелъ я изъ деревни своей и нанялся на барскій дворъ телятъ стеречь. Но и тутъ покою мнѣ не было. Осерчали мои деревенскіе, зачѣмъ ушелъ я отъ нихъ, и порѣшили, что сколько годовъ я у нихъ кормился, столько и отслужить долженъ. За мной приходили раза два староста и опекунъ мой; и опекунъ у меня былъ —

дядя какой-то мнѣ приходился, — меня и не стали держать ни-
гдѣ... Э... да всего не перескажешь!..

— Ну, а потомъ?

— Потомъ поступилъ къ одному барину въ работники, по-
слали меня пахать, а пахать-то я не умѣю... Приставили опять
къ скотниѣ. Прожилъ я у него два года, ночь сплю, день съ
кнутомъ хожу. И пришло мнѣ въ голову — чего-чего за день-то
не передумаешь? — жениться, обзавестись домомъ, хозяйствомъ.
Долго я объ этомъ думалъ. И все мнѣ чудится, что я женюсь
на одной нашей дѣвочкѣ, Маланьей ее звали; какъ я сиротой
еще по домамъ ходилъ, да потомъ въ пастухахъ, она со мной
играла. Мать ея вдова была, бѣднѣ-ѣ-ѣйшая. Мною не гнуша-
лись, чѣмъ могли — дѣлились. А дѣвочка-то вовсе со мной сдру-
жилась. А слышалъ я, что она еще не замужемъ — бѣдныхъ-то не
скоро берутъ — и вздумалъ я: дай, женюсь на ней! Долго думать
я объ этомъ, да и рѣшился. Прихожу къ Маланьиной матери.
„Такъ и такъ, говорю, отдай Малашку за меня замужъ!“ — Да
ты ополоумѣлъ, говоритъ, чтѣ-ли? Какой же ты женихъ? Да на
чтѣ ты свадьбу сыграешь? — „Тридцать рублей, говорю, есть
у меня!“ — А потомъ, куда ты жену приведешь? Домъ, пазьмо,
есть у тебя? — „Пазьмо старики дадутъ“. — А домъ? А земля
есть? А работать умѣешь?.. Эхъ ты, женихъ! — Только посмѣя-
лась надо мной, да и рассказала всѣмъ, что я свататься взду-
малъ за ея дочерью. Тутъ мнѣ вовсе проходу на деревнѣ не
было. Женихъ, да женихъ! и ребяткишки, какъ увидятъ — „же-
нихъ, кричатъ, идетъ!“ Даже Маланья, и та разъ, смѣясь, „же-
нихомъ“ назвала. И такъ мнѣ стало обидно это, что и сказать
не могу. Хоть въ оселъ полѣзай! „Всѣ, — думаю я себѣ, — женятся,
и никто надъ ними не смѣется. Одинъ я, несчастный, живи
вѣкъ — ни угла не знай своего, ни покою!“ Въ деревнѣ мнѣ своей
проходу не давали: женихъ, да женихъ! И теперь еще коль
пройдешь по деревнѣ, меня женихомъ называютъ! Я потому, коль
нужно мимо пройти, стараюсь, чтобы меня не видали... задвор-
ками гдѣ-нибудь пройдеши, а то ночью... Больше я и не пытался
женой обзавестись. А на душѣ — охъ! — и тяжело только было. По-
совѣтовалъ мнѣ странникъ одинъ по монастырямъ походить, Богу
молиться... Послушался я его. Пошелъ. Странствовалъ я три
года. Въ Воронежѣ былъ, къ Троицѣ, въ Кіевѣ ходилъ; наво-
нецъ, въ Старый Іерусалимъ собрался. Сначала мнѣ неохотно
подавали. Находили, что молодъ больно, чтобы странствовать. Я
надѣлъ подрясникъ — тогда стали лучше подавать, „монахомъ“
звали.

— Ну, а въ солдаты-то тебя почему не взяли? Вѣдь одиночка.

— Въ солдаты не взяли—не годился. Грыжа у меня.

— Та-акъ. А странствовать почему бросилъ?

— А странствовать, старички, я вотъ почему бросилъ. Ходилъ, ходилъ по монастырямъ, а все тянетъ на родную сторону. Все мерещится домъ, жена, дѣти. Нѣтъ-нѣтъ, да вернусь сюда. Разъ еще—и вспоминать не хочется—задумалъ я свататься. Въ Ситовкѣ была дѣвка-перестарокъ, кривая... одно слово: вѣковушка. „Эта,—думаю,—можетъ пойдетъ за меня“. Не тутъ-то было! Посватался:— „Что жъ,—говорить,—вдвоемъ побираться, что-ль, вздумалъ? Я лучше у своихъ въ дѣвкахъ проживу“. Плюнулъ я на это дѣло. На роду, видно, мнѣ написано, бобылемъ остаться. Случилось въ ту пору со мной вотъ что: иду это я, собираю Христа ради въ деревнѣ Рѣшетовкѣ, верстъ пятьдесятъ будетъ отсюда, подхожу—дѣло было праздникомъ—къ одному дому; вижу, сидятъ всѣ у порога; дѣвочка у старика въ головѣ ищетъ, бабы обѣдъ готовятъ, столъ вынесли. Попросилъ я Христа ради, старуха мнѣ и говоритъ: „Ты, небось, издалека, садись; пообѣдай съ нами“. Сѣлъ я. А поодаль, вижу, мальчишка стоитъ, лѣтъ семи, оборванный, грязный и глядитъ на насъ, какъ мы ѣдимъ. — „Это,—говорю,—что за мальчикъ стоитъ?—“ „А это,—говорить,—сирота остался, такъ общество рѣшило его кормить поденно. Измучилъ поганецъ. И безъ него хлѣба не хватаетъ, а тутъ на же! Какой ѣдокъ нашелся!“ Сердце-то у меня такъ и ёкнуло. Помню я себя такимъ, и жалко мнѣ его стало, какъ самого себя. Послѣ обѣда я его отозвалъ. — Ъсть хочешь? — „Хочу“,—говорить.—А часто не ѣвши сидишь?— „Часто!.. Дядя Микифоръ меня бьетъ и хлѣба не даетъ. А дядя Павелъ мнѣ молочка даетъ!“—Ни дать, ни взять, какъ со мной было съ маленькимъ. И рѣшилъ я какъ-нибудь спасти его. Узналъ я про этого Павла, что кормилъ его хорошо. Оказался бѣдный мужикъ,—бѣдные-то добрѣе бывають,—и сговорился я съ нимъ, чтобы онъ взялъ мальчика къ себѣ, а я буду ему носить пищу. Онъ, было, не соглашался,—какъ, правда, довѣриться побирושкѣ?—но кое-какъ я его уговорилъ. Общество охотно согласилось на его предложеніе. И сталъ я ходить къ нему черезъ день или черезъ два. Обходишь округу, наберешь кое-чего; самъ одинъ хлѣбъ ѣшь, а что получше или какую копѣйку подадутъ, несу Санькѣ. Я его и одѣвалъ, и обувалъ. Въ немъ я чисто домъ нашелъ. И я, зная, не лишній на свѣтѣ, кое-кому пригодился! Но,—и бобыль обтеръ слезу,—и тутъ не далъ Богъ мнѣ счастья. Два года ходилъ я за нимъ,—онъ меня „батюшкой“ звалъ,—заболѣлъ

мой Санька. Двѣ недѣли пролежалъ, и ходили мы за нимъ съ Павломъ,—хорошій мужикъ былъ,—и въ доктору возили... Нѣтъ, не услышалъ Богъ моихъ молитвъ!.. померъ!.. Опять остался я сиротой. Съ тѣхъ поръ и хожу я такъ по міру. Только поближе къ родному мѣсту перешелъ. Сиротъ люблю—самъ сирота. Люди добрые помогаютъ. Бобылемъ зовутъ—такъ вѣдь, правда, бобыль,—правдой не задразнишь. А на душѣ полегчало. Хоть и дома своего нѣтъ, а дѣтокъ Богъ посылаетъ, сколько хочешь!

— Ну, а подъ старость какъ? Небось, плохо будетъ!

— Чтò будетъ, то будетъ. Можетъ, и меня не бросятъ. Да чтò о старости думать? Было бы теперь хорошо!

— А водки ты, бобыль, никогда не пьешь?

— Отъ роду въ ротъ хмельного не бралъ ни капли. Пока о домѣ думалъ, на свадьбу собиралъ. А теперь и вовсе каждый грошъ нуженъ. Мнѣ не о водкѣ думать...

Но недолго пришлось бобылю пользоваться своимъ счастьемъ. Хотя ему и сорока лѣтъ не было, но онъ давно уже былъ боленъ. Боли подъ ложечкой — „сердце болитъ“, говорилъ онъ,—становились все сильнѣе и сильнѣе. Онъ давно подумывалъ по-лежать гдѣ-нибудь, но лежать было негдѣ, да и некогда. Онъ долженъ былъ помогать своимъ „роднымъ“ сиротамъ. Въ особенности привязался онъ къ Костюшкѣ, сапожникову ученику. Кто ихъ бы сталъ повоить, кабы онъ слегъ? Вѣдь на то они и сироты! Ходилъ онъ къ доктору въ земскую больницу, но полученное средство не помогло. Болѣзнь все усиливалась. И побирался онъ уже съ трудомъ. Пройдетъ немного и остановится отдыхать. Сборы отъ этого стали хуже.

Пришелъ онъ разъ къ ситовскому сапожнику, принесъ кое-что Костюшкѣ и легъ у него ночевать. Ночью съ нимъ сдѣлалось дурно, поднялись сильныя боли со рвотой. Утромъ онъ рѣшительно не могъ подняться. Сапожникъ, полюбившій его, и изъ уваженія къ нему переставшій мучить Костюшку, не зналъ, чтò и дѣлать. Дни три пролежалъ у него больной. Сапожникова жена старалась, какъ могла, давала ему молока, но и отъ молока—не то что отъ молока—отъ воды,—и то поднималась рвота.

Видитъ бобыль, что въ тягость сапожнику.

— Самъ я,—говорить,—конечно, не дойду, а доставь меня какъ-нибудь къ уряднику, — урядникъ жилъ въ Ситовѣѣ.—Долженъ же онъ меня въ больницу отправить. А Костюшку ты не обижай... Чтò, Костюшка, жаль тебѣ будетъ, какъ я помру?

— А то нѣтъ? Кто же мнѣ гостинцевъ тогда принесетъ? Сапожникъ побожился бобылю, что Костюшку обижать не

станеть, и даже на икону перекрестился. Урядникъ, узнавъ, что боленъ бобыль, — онъ его зналъ, — распорядился отправить его съ сотскимъ въ земскую больницу, въ увѣренности, что его положить, какъ трудно-больного. Увѣренъ былъ въ этомъ и самъ бобыль.

Докторъ его осмотрѣлъ, поразспросилъ, пощупалъ и покачалъ головой.

— Мы, — сказали онъ, — съ этой болѣзью не кладемъ въ больницу.

И, замѣтивъ удивленный взглядъ больного, прибавилъ:

— Я тебѣ лекарства дамъ: такъ пройдетъ, Богъ дастъ, на ногахъ.

Какъ ни просили его самъ бобыль и сотскій, какъ ни объясняли безвыходность положенія, докторъ стоялъ на своемъ:

— Съ этой болѣзью мы не принимаемъ.

Пришлось везти его обратно въ уряднику.

— Чтò-жъ теперь дѣлать? Вези его въ Зайчики.

— Да вѣдь у меня тамъ нѣтъ ни дома, ни родныхъ, — слабымъ голосомъ замѣтилъ больной.

— Знаю, знаю. Чтò-жъ теперь дѣлать? Староста и общество что-нибудь придумаютъ.

При словѣ „общество“ морозъ подернулъ по кожѣ бобыля. Вспомнилось ему дѣтство.

„Неужели опять меня начнутъ поденно кормить“? — подумалъ онъ.

Отвезли его въ Зайчики. Остановились съ телѣгой и лежащимъ въ ней больнымъ у дома старосты. Старостой былъ мужикъ лѣтъ пятидесяти, помнившій бобыля, когда онъ былъ маленькій. Староста вышелъ.

— Вотъ привезли вамъ бобыля. Онъ боленъ дуже.

Староста почесалъ въ затылкѣ.

— Та-акъ! Чтò же мнѣ-то съ нимъ дѣлать? Его въ станъ надо.

— Чтò же становой-то сдѣлаеть? Опять къ вамъ его приплеть. Вѣдь въ больницѣ онъ былъ: его не приняли. Его бы въ городъ, тамъ больница большая. Тамъ бы его положить.

— Надо у общества спросить.

Бобыля кое-какъ стащили съ телѣги и положили передъ домомъ старосты на лавку. Сидѣть онъ не могъ. Староста же послалъ своего сынишку собирать сходъ. Но слухъ о прибытіи бобыля и такъ облетѣлъ деревушку, и старики сходились безъ зова. За нимъ тащились и бабы, и бѣжали ребятишки посмо-

грѣтъ на бобыля. Они окружили его и перекидывались своими замѣтками.

— Знать, дюже неможется. Гуторить пересталъ.

— Этого женномъ дразнить?

— Его, его; онъ за тетку Маланью сватался.

Подошла и Маланья, бывшая давно замужемъ за хромымъ, но богатымъ мужикомъ. Хотѣла-было она предложить ему чего, но постѣснилась—боялась насмѣшекъ. Другая баба стала приставать къ нему:

— Поѣсть не хочешь ли чего, голубчикъ?

Больной, не отрывая глазъ, махнулъ рукой.

— Эй вы, чего не видали?—кривнулъ староста.—Убирайтесь вонъ отсюда!

Всѣ отодвинулись. Подошли старики, какъ будто надо было имъ видѣть больного, чтобы толковать о немъ.

— Ну, что же, старики, дѣлать? Вишь, какой грѣхъ приключился!

— Что же дѣлать? Къ становому его надо.

Становой ничего не сдѣлаетъ. Урядникъ сюда прислалъ. У станowego не больница,—сказалъ старикъ.

— Въ вутузку его посадить, какъ безроднаго, — замѣтилъ одинъ шутникъ.

— Чего зубы чесать? Надо дѣло говорить, а не зря болтать.

— Андрею Трофимову его. Онъ ему родня.

— Какой онъ мнѣ родня? Батюшка-повойникъ надъ нимъ опекуномъ былъ. Говорили, онъ ему какой-то дядя дальній доводился. Нѣшто это родня? Да еще и дядя-то онъ ему былъ по женѣ. А я-то ему вовсе ничто.

— Ну, такъ что же? Въ больницу въ городъ?

— Чтобы онъ тамъ залежалъ еще на нашу шею. Хорошо, какъ онъ скоро поправится, али помретъ, а ну какъ долго пролежить? Такой кошель намъ на шею сидеть—вѣкъ не отмогаешься.

Долго судили и рядили мужики и порѣшили, какъ ни какъ, отправить его въ больницу въ городъ. Сходъ разошелся, и снова обступили больного ребятишки. Но, убѣдившись, что онъ молчитъ и лежитъ не шевелясь, мало-по-малу разошлись. Тѣмъ временемъ подготовили подводу, на которую и уложили бобыля. Поѣхалъ съ нимъ Андрей Трофимовъ, его дальній родственникъ.

На каждой кочкѣ, когда телѣгу встряхивало, больной испытывалъ невыносимыя страданія и все время стоналъ. Эти страданія отвлекли его отъ грустныхъ думъ. Такъ провезли его пять-

десять верстѣ. Но каково было услышать ему въ городѣ, что съ этой болѣзнью не принимаютъ! Андрей Трофимовъ хотѣлъ было его свалить и уѣхать, но фельдшеръ на него прикрикнулъ и пригрозилъ полиціей. Угроза подѣйствовала, и бѣднаго бобыля опять повезли въ Зайчики.

Еще дольше прежняго обсуждался вопросъ о бобылѣ на сходѣ. Рѣшили временно его оставить у старосты и спросить наставленія у старшины. Старшина сказалъ, что это—дѣло общества, и что онъ ничего посоветовать не можетъ. Впрочемъ, предложилъ сѣздить къ земскому начальнику.

Земскій начальникъ объяснилъ старостѣ, что по закону они обязаны заботиться о безродномъ больномъ, но что вполнѣ отъ нихъ зависитъ, какъ это устроить.

— Смотри, староста, — прибавилъ земскій:—я справлюсь, чтобы ему было хорошо. Ты отвѣчаешь за него.

Собрался третій сходъ. На томъ, чтобы его кормить по дворахъ, долго и не останавливались. Нельзя же переводить изъ дома въ домъ человѣка, который не можетъ ходить. Затѣмъ нуженъ былъ какой ни на есть уходъ. Слѣдовательно, нужно было найти охотника, который бы взялъ его къ себѣ за известную, конечно, наименьшую плату отъ общества. Дорого бы общество не дало, а дешево—никого не бралъ на себя эту обузу. Настаивали, что обязанъ взять его староста—на то онъ и староста—люби, можь, кататься, люби и саночки возить. Но староста рѣшительно объявилъ, что въ кругъ его обязанностей это не входитъ.

Выручила Маланья. Въ ней шевельнулось воспоминаніе о старомъ,—можетъ, о томъ, какъ они вмѣстѣ играли,—можетъ, и о томъ, какъ онъ сватался. Какъ бы то ни было, она уговорила мужа взять его къ себѣ за небольшую плату. Ходить же за нимъ обѣщалась сама, Христа ради. Способствовало этому то, что у нихъ былъ домъ о двухъ половинахъ. Въ одной, грязной, и положили больного.

Много, много передумалъ бобыль, лежа на смертномъ одрѣ. И дѣтство безотрадное, и юность, и исканіе счастья—все прошло передъ нимъ. Теперь онъ мучился, чувствуя, что онъ составляетъ обузу для всѣхъ. Онъ слышалъ, что говорилось о немъ и какъ всѣ только и думали, какъ бы сбыть его съ рукъ. Слышалъ онъ и насмѣшки всѣ, и неумѣстныя шутки. И ему было невыразимо больно... Одинъ только образъ Маланьи выдѣлялся. Когда игралъ съ ней ребенкомъ, когда сватался за ней, онъ не любилъ ее, какъ полюбилъ теперь, умирающій. Она, правда, ходила за нимъ,

какъ обѣщалась, „Христа ради“, безъ брезгливости, не жалѣя себя. Она уменьшала его страданія и душевныя и физическія.

Онъ разсказывалъ ей урывками, когда могъ говорить, про сиротъ.

— Что-то они, голубчики, дѣлаютъ? Небось, ждутъ меня.

— Ты бы велѣлъ позвать своего Костюшку. Я накажу съ кѣмъ-нибудь ему придти. Въ Ситовку каждый день почестъ ходить.

— Спасибо, Маланьюшка, накажи, накажи! Мнѣ и дѣло до него есть. Да накажи, чтобы съ хозяиномъ, молъ, пришелъ. Мнѣ надо кое-что съ нимъ переговорить.

На другой день пришелъ сапожникъ съ Костюшкой. Съ нимъ вмѣстѣ пришла и жена его. Она уважала бобыля. Они сразу увидали по его лицу, что говорятъ съ умирающимъ.

Бобыль поцѣловалъ Костюшку.

— Что, неможется?—спросилъ сапожникъ.

— Умирать собрался. Да хотѣлъ Костюшку повидать. Ну, живи, живи, Костюшка. Помолись за меня, когда помру!

И онъ заплакалъ. Заплакалъ и мальчикъ, хотя хорошо не понималъ, въ чемъ дѣло.

— Э, да чего тутъ? Я хотѣлъ вамъ сказать одну вещь... пока не умеръ. Вотъ въ чемъ дѣло. Я на всякій случай соблюдалъ тридцать цѣловыхъ: думалъ, ихъ когда-то себѣ на свадьбу употребить. Такъ вотъ эти тридцать рублей хотѣлъ я оставить Костюшкѣ, когда онъ выростетъ и въ люди выйдетъ. Ты хотя и пьешь, а, знаю, человѣкъ хорошій. На, возьми и соблюди ихъ до времени. Выйдетъ Костюшка изъ ученья, ты ему ихъ передай.

Сапожникъ былъ тронутъ и завѣщаніемъ, и довѣріемъ къ нему.

— Вотъ что. Ты знаешь, я человѣкъ слабый,—отдай деньги женѣ. Она ихъ соблюдетъ. Неровенъ часъ — грѣхъ какой случится. Вѣкъ не отмолишь.

— Ну что-жь! Женѣ твоей—такъ женѣ.

— И не мнѣ отдавай. Мы что? мѣщане: сегодня—здѣсь, завтра—тамъ. Отдай ихъ хозяйкѣ твоей: она —тутошняя. Она лучше соблюдетъ.

Бобыль посмотрѣлъ на Маланю. Она была тутъ же.

— Я не прочь. Для тебя сдѣлаю.—А сама плачетъ.

Костюшка ревѣлъ навзрыдъ.

— Да что вы всѣ плачете? Отжилъ, значить, человѣкъ, ну и что же? Лишь тамъ бы было хорошо!

И онъ полѣзъ за пазуху. На ремнѣ, въ кожаномъ же деревенскаго издѣлія кошелькѣ, туго перевязанномъ, лежали завѣтныя

деньги. Онъ долго, съ трудомъ ихъ развязывалъ. Это было все его богатство. Вынулъ деньги. Медленно при всѣхъ пересчиталъ и передалъ Маланьѣ. Маланья тоже пересчитала деньги.

— Ты мнѣ отдай кошелекъ-то. Онъ тебѣ теперь не нуженъ. А мнѣ лучше будетъ ихъ сохранять.

Онъ передалъ ей кошелекъ. Она убрала въ него деньги и повѣсила на шею.

— Да, вотъ что. Деньги-то ты отдаешь Костюшкѣ всѣ. А на поминъ себѣ ничего не оставишь?

Бобыль подумалъ.

— Похоронить меня похоронять обществомъ. Не Богъ вѣсть чего гробъ-то стоитъ. Не впервые мнѣ имъ на шеѣ сидѣть. А помянуть вотъ они... Будешь меня поминать, Костюшка?

— Буду, — отвѣтилъ онъ, хотя не понималъ, что значитъ поминать.

Больному становилось тяжело говорить. Посѣтители ушли. Костюшку онъ долго цѣловалъ и благословлялъ.

На другой день онъ причастился и вскорѣ померъ. Маланья закрыла ему глаза.